

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.И. ЛАПИН

Ценности “сохранение–открытость изменениям” и сетевые инновационные институты*

Финансово-экономический кризис вновь высветил настоятельность потребности в переходе экономики России на инновационный путь развития. Обострилась и дискуссия о возможности и путях такого перехода. С одной стороны, звонче стали голоса, зовущие к инновационному прорыву, с другой – приглушенно, но настойчиво добавляются аргументы о нереальности не только прорыва, но и эволюционного движения российской экономики к постиндустриально-инновационному состоянию. В числе этих аргументов значительную роль играют ссылки на возврат структуры ценностей населения России к доминированию в ней слоя ценностей традиционного типа.

Постараемся глубже вникнуть в эту судьбоносно проблемную ситуацию, опираясь на четыре группы данных: всероссийского мониторинга “Ценности и интересы россиян”, осуществляемого Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН с 1990 г.¹; “Европейского социального исследования” (European Social Survey – ЕСС) – международного сравнительного проекта, который осуществляется в 20–25 европейских странах с 2002 г., а с 2006 г. опросы проводятся и в России²; результаты исследований в восьми регионах (субъектах РФ) по программе “Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов”, реализуемой на базе

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00108а).

¹ Характеристика мониторинга ранее была дана мной в [Лапин, 2007].

² Их осуществляет Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ, директор – В. Андреев); автор настоящей статьи является председателем Национального научного совета по проведению ЕСС в России. В 2006 г. исследование проводилось методом личного опроса населения по месту жительства респондента по стандартной методике. Выборка – многоступенчатая, случайная вероятностная, составляет 2400 человек и включает 200 населенных пунктов, городских и сельских, во всех семи федеральных округах Российской Федерации, а также в 10 экономических макрорегионах. Статистическая ошибка – в пределах 3%.

Лапин Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, председатель Научно-координационного совета “Проблемы социокультурного развития России и ее регионов” при Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, профессор Государственного университета управления.

типовой методики ЦИСИ [Социокультурный... 2006]³; результаты моих многолетних исследований по проблемам инноватики, подытоженные в [Лапин, 2008].

Толерантное совмещение культурно различных типов ценностей

Одна из фундаментальных характеристик человека заключается в его потребности и способности *оценивать* качества других людей и предметов окружающего мира. Эта способность реализуется благодаря совокупности ценностей, которые усваивает и использует каждый человек. Среди них выделяются *базовые ценности*: обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм-рамочек поведения людей; *это нормы не прямого действия, а рамочные, допускающие вариации поведения индивида* в пределах качественных границ – осознаваемых или интуитивных. Ценности-цели называются терминальными, а ценности-средства – инструментальными.

Ценности сопряжены с совокупностью потребностей и интересов членов общества. Интересы людей, вырастая из их потребностей, обычно сосредоточиваются на дефицитных ресурсах и выражаются в борьбе за эти ресурсы между индивидами и социальными группами. Напротив, основная функция ценностей, как и культуры в целом, состоит в формировании консенсуса в обществе. Наряду с языком они образуют ядро культуры, предпосылку и основу взаимопонимания и взаимодействия между членами общества. Конечно, если в одной стране (обществе-государстве) существуют разнородные культуры, то их столкновения могут сопровождаться драматичными социальными конфликтами. Но такого развития событий можно избежать, если в отношениях между культурами сформируется толерантность на основе общих ценностей. Например, в Западной Европе после Тридцатилетней войны утвердилась толерантность во взаимоотношениях католиков и протестантов на основе общехристианских, а также совокупности светских ценностей.

Как и в советское время, структура базовых ценностей населения современной России существует и эволюционирует в пространстве, представляющем собой не столько структурированное общественное мнение, сколько диффузное массовое сознание. Драматичный сдвиг этой структуры начался уже в “эпоху застоя”, несмотря на формальное сохранение идеологической монополии КПСС. Как показал современный, вторичный анализ результатов исследований общественного мнения, проведенных в советском обществе, фактическое снятие с повестки дня исторической задачи построения “нового общества” “лишило миллионы людей понимания того, во имя чего теперь следовало жить, ради достижения каких целей, в каких формах”; стал повышаться удельный вес традиционных общечеловеческих ценностей в ущерб так называемым “социалистическим” [Грушин, 2006, с. 858–859].

В постсоветской России эволюция структуры базовых ценностей населения ускорилась – шла уже достаточно свободно, без идеологического диктата с чьей-либо стороны. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга “Ценности и интересы россиян”. Из модели ценностей, изучаемых по программе мониторинга (см. табл. 1), видно, что они представляют *три культурных типа* – традиционные, общечеловеческие, современные (модернистские, либеральные) [Лапин, 2006; 2009, гл. 11].

Результаты исследований показали, что на постсоветском этапе в сознании россиян сформировалось устойчивое *совмещение всех трех культурно различных типов ценностей*. При этом среди высших, терминальных, ценностей преобладают тра-

³ Социокультурные портреты восьми регионов представлены в ряде публикаций, а все вместе – в коллективной монографии [Регионы... 2009]. В настоящее время готовятся портреты еще свыше 10 регионов. Программа осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; ее координирует Научно-координационный совет “Проблемы социокультурного развития России и ее регионов” при Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН.

Культурные типы изучаемых базовых ценностей россиян

	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
<i>Терминальные</i>	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь Свобода
<i>Инструментальные</i>	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

диционные и общечеловеческие, а среди более прагматичных, инструментальных, ценностей – современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет влияние современных и общечеловеческих компонент; эти культурные типы ценностей эволюционируют, переплетаясь друг с другом и постепенно отдаляясь от ценностей традиционного типа (см. рис.).

Совмещение трех типов базовых ценностей представляет собой результат свободной эволюции массового сознания россиян. Она спонтанно совершается под влиянием политической и социально-экономической трансформации российского общества, в которой можно выделить три этапа: 1) рационализация, модернизация структуры ценностного сознания россиян (1990–1996 гг.); 2) частичный возврат этой структуры к советскому прошлому, ретрадиционализация (1996–1999 гг.); 3) становление толерантного совмещения культурно различных типов ценностей (с 2000 г.).

Уровень поддержки ценностей определяется на основе согласия/несогласия респондентов не просто с отдельными словами-ценностями, а с суждениями, содержащими соответствующие ценностные аспекты. Степень согласия/несогласия измеряется как средний балл ответов, полученных по 11-балльной шкале и приведенных к 5-балльной шкале.

Обратим внимание на то, что во всех опросах, даже в отношении, казалось бы, совершенно ясных суждений, находятся люди, которые либо отвечают “не знаю, трудно сказать”, либо отказываются от ответа. Это означает, что по данным аспектам они выключены из сферы *общественного* сознания, отчуждены от него. Вместе с тем по всем суждениям значительная доля населения придерживается промежуточных, колеблющихся позиций, что свидетельствует о низкой определенности самого ценностного сознания общества – закономерном результате отсутствия рационального дискурса относительно базовых ценностей россиян.

Тем не менее пять опросов в рамках мониторинга (1990, 1994, 1998, 2002, 2006 гг.) позволяют выделить достаточно устойчивую *иерархию* базовых ценностей населения России. Тремя разными способами (средняя, медиана, процент согласия и несогласия) получены похожие четыре уровня этой иерархии. Приняв за основу средние величины поддержки ценностей, можно выделить:

– *интегрирующее ядро* базовых ценностей (поддержка свыше 4-х баллов из 5), консолидирующее свыше 60% населения. Его устойчиво образуют две терминальные ценности – традиционная ценность *семьи* и общечеловеческая ценность *порядка*;

– пульсирующий наряду с ядром *интегрирующий резерв*: он включает ценности, которые имеют поддержку 3,41–4,0 балла и консолидируют 45–60% населения. Если в 1990 г. этот резерв включал 7 ценностей, то в 1994 г. он уменьшился на 2 ценности, а к 2002 г. восстановил свой состав, но в ином иерархическом порядке. Из двух традиционных ценностей в нем осталась одна; к двум общечеловеческим ценностям (*работа* и *взаимопомощь*) из нижнего слоя поднялась третья (*благополучие*). Современные ценности *независимости* и *инициативности* поднялись с 6–7-го на 4–5-е места, но ценность *свободы* осталась на замыкающей позиции резерва;

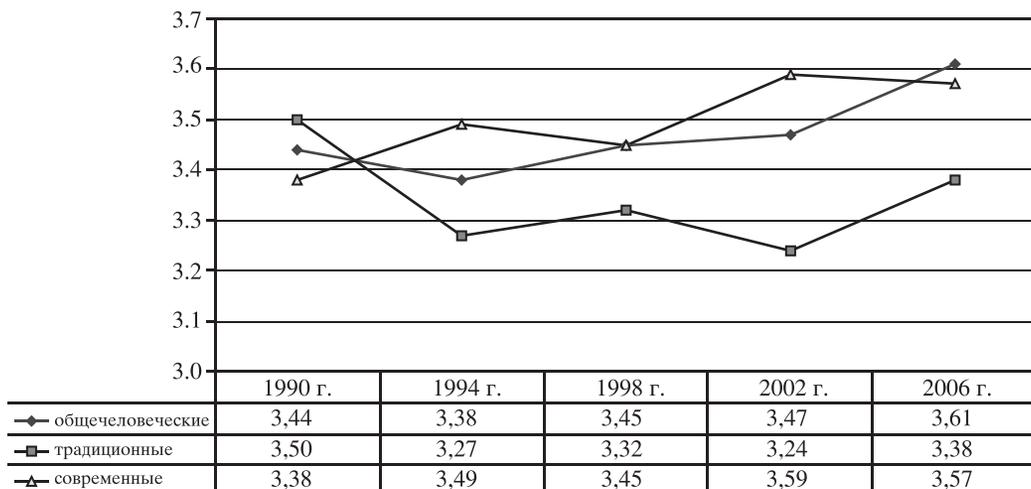

Рис. Эволюция поддержки россиянами культурно различных типов ценностей (средние величины типов ценностей по 5-балльной шкале).

– *оппонирующий дифференциал* (2,8–3,4 балла, поддержка 30–45% населения), в котором совмещаются традиционная *жертвенность*, современная *жизнь* и общечеловеческая *нравственность*;

– *конфликтогенная периферия* базовых ценностей (менее 2,8 балла, менее 30% поддержки населения) устойчиво включает традиционалистскую *своевольность* (или вседозволенность как псевдосвободу) и общечеловеческую *властность*. Однако последняя в 2006 г. поднялась на ступеньку выше и вошла в оппонирующий дифференциал. Надолго ли?

В четырехуровневой структуре базовых ценностей совмещаются различные их культурные типы: традиционные, общечеловеческие, современные. Такое совмещение чревато конфликтами, которые действительно возникают и временами обостряются. Вместе с тем опрос 2006 г. показал значительное снижение доли крайних, максималистских принятий и отрицаний ценностных суждений респондентами. Следовательно, *в российском обществе повысилась толерантность в отношениях между носителями культурно различных типов ценностей*.

Важным механизмом формирования и воспроизводства такой толерантности стала *плюрализация* российского ценностного пространства, которое дифференцировалось на несколько ценностных позиций. Факторный анализ показал, что число главных факторов, аккумулирующих более 50% всех изучаемых ценностных аспектов, в 1990–2006 гг. сначала увеличилось с 11 до 15, а затем сократилось вновь до 11. Анализ ценностных аспектов, из которых состоят эти факторы, позволил идентифицировать их как *реальные ценностные позиции* социокультурных групп, отличающиеся от базовых ценностей как *обобщенных идеалов* индивидов.

Толерантный плюрализм позволяет россиянам делать выбор своих позиций, не опасаясь культурного остракизма. Он создает благоприятный климат для ориентаций как на сохранение существующего положения вещей, так и на открытость его изменениям.

Дифференциация ценностных ориентаций населения по оси “сохранение–открытость изменениям”

В этой связи представляют интерес результаты “Европейского социального исследования”, впервые проведенного в России в 2006 г. В ценностном блоке данного исследования используется методология, разработанная и многократно апробирован-

Ценностно-мотивационная ось “сохранение–открытость изменениям”

Латентные мотивационные типы (векторы) ценностей	Ценности	Проективно-портретные описания, предлагавшиеся респондентам
Сохранение	Конформизм	Он убежден, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди всегда должны следовать правилам, даже если никто за этим не следит
		Для него важно всегда вести себя правильно. Он старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить
	Традиционность	Для него очень важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание
		Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным традициям
Открытость изменениям	Самостоятельность	Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом
		Для него важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других
	Рисковая новизна	Ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что для него в жизни важно попробовать много разного
		Он ищет приключений и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью

ная (более чем в 40 странах) профессором Ш. Шварцем (Университет в Иерусалиме). Ее основу составляет выделение двух ценностно-мотивационных осей: “сохранение–открытость изменениям” и “выход за пределы своего Я – самоутверждение”. Содержание этих осей составляют четыре укрупненные категории ценностей, которые конкретизируются в качестве 10 измеряемых ценностей, или типологических ценностных индексов⁴ [Schwarz... 2001]. Здесь я сосредоточил внимание на первой ценностно-мотивационной оси – “сохранение–открытость изменениям”. В рамках этой оси оставим в стороне ценности “безопасность” и “гедонизм”, поскольку они, с моей точки зрения, находятся на ее периферии.

Данные о поддержке ценностей получены в процессе интервью в домашних условиях, с помощью проективно-портретного вопроса. Интервьюер обращался к респонденту: “Послушайте описания некоторых людей и скажите, насколько каждый из них похож на вас”. Перечень этих описаний и их латентных ценностных смыслов приведен в таблице 2. Отмечу, что респондентам предлагались только проективно-портретные описания, а их ценностная интерпретация – дело исследователей и может не совпадать с предложенной Шварцем или с более конкретной интерпретацией, излагаемой в данной статье.

При обработке данных был фиксирован процент согласных с каждым описанием по трехбалльной шкале, соответственно, по трем основным видам согласия: опреде-

⁴ Методология Ш. Шварца, в контексте результатов российского исследования 2006 г. в рамках ЕСС, изложена в [Магун, Руднев, 2008].

**Соотношение векторов оси “сохранение–открытость изменениям”
в 10 экономических макрорегионах России**

Векторы, коэффициенты	Российская Федерация	Северо-Кавказский	Волго-Вятский	Поволжский	Западно-Сибирский	Уральский	Центрально-Черноземный	Восточно-Сибирский	Дальневосточный	Центральный	Северный и Северо-Западный
Изменение (<i>М_и</i>)	39,0	30,2	32,6	32,4	37,0	38,4	36,3	39,6	43,1	46,2	42,2
Сохранение (<i>М_с</i>)	49,4	49,9	50,5	47,7	53,5	52,0	43,1	46,4	48,7	52,3	42,3
<i>Кис</i>	0,79	0,6	0,64	0,68	0,69	0,74	0,84	0,85	0,88	0,88	1,0

ленно согласен; отчасти согласен, отчасти нет; определенно не согласен. Вначале рассмотрим общую характеристику распределения ответов по двум векторам интересующей нас ценностно-мотивационной оси. Затем постараемся обнаружить особенности проявления ценностей данной оси в экономических макрорегионах России.

Вектор “сохранение” включает ценности “конформность–традиционность”. Первая из них операционализируется с помощью пары качеств: “соблюдать правила – поступать правильно”. “Правильное поведение” получило у россиян значительно более высокую поддержку, нежели “соблюдение правил” (55% против 36%): первое имеет моральный смысл для самого человека, сродни его совести, а соблюдение правил – скорее, норма, продиктованная внешними обстоятельствами, хотя и соблюдаемая без внешнего контроля (сродни правилам дорожного движения). Латентно допускается, что правила могут быть неправильными, тогда их соблюдение оказывается под вопросом. Поэтому каждый пятый россиянин отрицает эту норму. Другое дело – вести себя правильно. Эту фундаментальную норму поддерживают не только в среднем больше половины россиян – она доминирует в 8 из 10 макрорегионов страны!

Традиционность операционализируется с помощью пары качеств: “не выделяться–следовать традициям”. “Не выделяться” – значит не привлекать к себе внимание, быть простым и скромным, а “следовать традициям” – ценить их, стараться соблюдать религиозные и семейные обычаи. Первая норма-ценность преимущественно инструментальная, вторая – терминальная. В среднем по России они имеют достаточную поддержку (50,8% и 55,4%). Но в разных макрорегионах наблюдаются значительные различия в уровнях поддержки.

В целом вектор “сохранение” поддерживается населением России высоко (51–55%) и консолидированно по трем из четырех его ценностей. Только ценность соблюдения правил находится значительно ниже этого уровня (36%). Вследствие этого средняя поддержка данного вектора оказывается немного ниже половины населения (49%).

Вектор “открытость изменениям” характеризуется парой ценностей “самостоятельность – рискованная новизна”. Самостоятельность как творчество и свободу поддерживают почти две трети населения России (около 62%). Напротив, рискованная новизна в интерпретации, принятой в методике ЕСС, имеет низкую поддержку населения России (как новизна – около 31%, а как “поиск приключений, желание наполнить свою жизнь событиями” – всего 19%). В среднем вектор открытости изменениям поддерживают около 37% россиян.

Таким образом, по России в целом средние величины вектора “сохранение” превосходят “открытость изменениям”. При этом из восьми изучаемых ценностей максим-

мальную поддержку имеет самостоятельность (62%), которая входит в вектор изменения. Но три другие ценности этого вектора имеют значительно меньшую поддержку (45, 31 и 19%). Напротив, среди четырех ценностей вектора “сохранение” лишь одна имеет невысокую поддержку (соблюдение правил – 36%), а три другие пользуются поддержкой более половины населения.

Чтобы подытожить полученные результаты и одновременно конкретизировать их для каждого макрорегиона, определим *соотношение векторов*: вычислим коэффициент изменение–сохранение ($K_{ис}$) как частное от деления средней величины поддержки вектора “изменение” ($M_{и}$) на среднюю вектора “сохранение” ($M_{с}$)⁵. Результаты этих вычислений по 10 экономическим макрорегионам России приведены в таблице 3 (перечень макрорегионов упорядочен по возрастанию значений $K_{ис}$).

Преимущество ценностей сохранения над ценностями изменения наблюдается в каждом макрорегионе. Особенно велико оно в кластере, который включает пять регионов: Северо-Кавказский, Поволжский, Волго-Вятский, Уральский, Западно-Сибирский; здесь $K_{ис}$ = от 0,6 до 0,74. Умеренные различия между двумя векторами сложились в другом кластере, включающем четыре региона: Центрально-Черноземный, Центральный, Восточно-Сибирский и Дальневосточный; здесь $K_{ис}$ = 0,84–0,88. Особое положение занимает Северо-Западный регион: здесь обнаруживается почти равенство средних величин векторов (42,2 и 42,3); соответственно, $K_{ис}$ почти равен 1,0. В целом по России $K_{ис}$ = 0,79.

Рассмотрим положение каждого макрорегиона на ценностно-мотивационной оси “сохранение–открытость изменениям”. При этом будем двигаться от кластера регионов с большим разрывом ценностных векторов через кластер регионов с умеренными различиями между векторами к расположенному особняком региону с паритетными значениями векторов.

Кластер 1. Регионы с большим преимуществом вектора “сохранение” над вектором “открытость изменениям”. Представив карту России, нетрудно заметить, что эти регионы расположены в основном на географической полосе с юга на север, между европейской и азиатской частями России: Северный Кавказ–Поволжье–Волго-Вятский регион–Урал–Западная Сибирь. Обратимся к особенностям регионов этого евразийского хребта России.

Наибольший разрыв между двумя обозначенными векторами сложился в **Северо-Кавказском макрорегионе**: $K_{ис}$ = 0,6. И не потому, как можно бы подумать, что его население максимально поддерживает ценностный вектор “сохранение”; напротив, эта поддержка (49,9%) находится в середине общероссийского рангового ряда. Особенно ценятся в этом векторе фундаментальные нормы: поступать правильно и следовать традициям (54–59%). Менее ценятся инструментальные нормы: соблюдать правила (38%) и не выделяться (48%). Однако все дело в самой низкой в России поддержке вектора “открытость изменениям” (30,2%). Особенно низок уровень поддержки ценностей новизны и творчества (26 и 34%), а также рисковости (15%). Хотя поддержка самостоятельности (59%) недалеко от общероссийской. В итоге разрыв между векторами стал рекордным: 19,7%. Итоговую максиму поведения жителей региона можно выразить так: следуй традициям и поступай правильно, не соблазняясь рискованной новизной.

Двигаясь к северу, в **Поволжский макрорегион**, мы также наблюдаем разрыв между ценностными векторами: $K_{ис}$ = 0,68, причем также – за счет очень низкой поддержки открытости изменениям (32,4%, рядом с Северо-Кавказским регионом). Самостоятельность и рисковость здесь ценятся немного ниже, чем на Северном Кавказе, а творчество и новизна – чуть выше. Поддержка ценностей сохранения уступает южному соседу, особенно в соблюдении правил и следовании традициям. А в целом – похожая картина, сходная максима поведения: поступай правильно и не соблазняйся рискованной новизной.

⁵ Эта процедура определения соотношения векторов отличается от предложения Шварцем.

К северо-западу, в **Волго-Вятском макрорегионе**, население максимально поддерживает традиции (59%), а также “скромную простоту – не выделяться” (58%). Здесь высоко ценятся и самостоятельность (56%), и творчество (44%). Поддержка других ценностей находится в середине рангового ряда. Как и в двух предыдущих макрорегионах, в целом соотношение ценностных векторов “изменение – сохранение” являет дисбаланс в пользу сохранения ($Kuc = 0,64$). Максиму поведения можно выразить так: не нарушая традиции, проявляй самостоятельность и поменьше рискуй.

Уральский макрорегион также характеризуется значительным различием ценностных векторов в пользу сохранения ($Kuc = 0,74$). Поддержка вектора “сохранение” здесь даже несколько выше, чем в трех рассмотренных регионах (52%), но существенно выше – поддержка открытости изменениям (38%). Жители Урала меньше ценят традиции, для них более важно поступать правильно (59%), соблюдать правила (40%) и не выделяться (57%). В то же время они заметно выше ценят самостоятельность (62%). Вырисовывается такая максима поведения: действуй самостоятельно, правильно, по правилам и не выделяйся.

Наконец, к кластеру регионов евразийского хребта России, характеризующегося большим разрывом векторов в пользу сохранения, относится **Западно-Сибирский макрорегион** ($Kuc = 0,69$). Здесь наблюдается умеренная поддержка всех ценностей вектора “открытость изменениям” (37%) при максимальной поддержке ценностей вектора “сохранение” (53,5%). Важнейшая ценность – поступать правильно (63%) – совмещается с поддержкой инструментальных норм-ценностей: соблюдать правила (39%) и не выделяться (56%). Это и можно считать ценностным императивом поведения жителей региона.

Кластер 2. Регионы с умеренным преимуществом вектора “сохранение” над вектором “открытость изменениям”. На карте России этот кластер образуют географически крайние регионы: с одной стороны “хребта”, в Азии – Дальневосточный и Восточно-Сибирский, а с другой его стороны, в Европе – Центрально-Черноземный и Центральный регионы. Попытаемся понять логику единства этих крайностей, которая объемлет регионы с умеренными различиями.

По соотношению интересующих нас векторов жители **Дальневосточного макрорегиона** находятся на втором–третьем местах в России, наравне с Центральным регионом ($Kuc = 0,88$). Здесь высокую поддержку имеют творчество и новизна, а также нормы: следовать традициям и поступать правильно (62–63%). Сочетание тех и других ценностей/норм в неких пропорциях образует максимум поведения дальневосточников.

Жители **Восточно-Сибирского макрорегиона** незначительно уступают дальневосточникам по соотношению двух векторов ($Kuc = 0,85$). С одной стороны, их характеризует поддержка творчества, новизны и риска, а с другой – они уступают большинству других регионов по поддержке ценностей сохранения.

Похожие пропорции поддержки норм/ценностей векторов изменения–сохранения характеризуют жителей западнее Уральского хребта. В **Центрально-Черноземном макрорегионе** мы констатируем те же пропорции, что и в Восточно-Сибирском ($Kuc = 0,84$). Но лидирует здесь поддержка иных ценностей: самостоятельности и традиции. Все другие ценности поддерживаются весьма низко.

Центральный макрорегион по всем ценностным позициям находится в верхней половине межрегионального рейтинга рангов. Здесь высока поддержка самостоятельности и творчества (68% и 52%). Регион находится на первом месте по поддержке новизны (38%) и одновременно – соблюдения правил (43%). Он также впереди всех регионов по поддержке рисковости, хотя и здесь ее уровень – всего 28%. Вместе с тем поддержка большинства ценностей сохранения приближается к высоким общероссийским значениям (54–58%). В итоге ценности сохранения поддерживаются существенно выше, чем ценности изменения (52% против 42%, $Kuc = 0,88$).

В целом ценностным позициям жителей Центрального региона свойственна определенная двойственность: по сравнению с другими регионами их характеризует инно-

вационная рисковость, но в сочетании с соблюдением правил; аналогичным образом, население региона одновременно оказывает максимальную поддержку разновекторным ценностям – самостоятельности и традициям (68 и 58%). По-видимому, такая двойственность связана с различиями в уровне и качестве жизни населения общероссийского центра (Москвы) и периферии данного макрорегиона.

Наконец, обратимся к особому макрорегиону – **Северо-Западному**. Как было отмечено ранее, это единственный в России макрорегион, в котором ценности сохранения не преобладают над ценностями изменения, а находятся в паритетном соотношении с ними ($K_{ис} = 1,0$). Как и в других регионах России, максимальной поддержкой здесь пользуется самостоятельность (68%), а также творчество (46%) и рисковость (22% – сам по себе процент невысокий, но означает второе место в рейтинге макрорегионов, поскольку в среднем рисковость поддерживают лишь 19% россиян). Поддержка ценностей сохранения (46–48%) в данном регионе заметно ниже среднероссийской, особенно в отношении соблюдения правил. Самостоятельность и рисковость – отличительные черты населения этого макрорегиона.

Препятствуют ли ценности россиян их инновационной активности?

Да, в целом Россия находится на сложной, рискованной грани между удовлетворительным и тормозящим инновационное развитие соотношением ценностно-мотивационных векторов населения страны как социального сообщества. Наиболее благоприятно равенство двух векторов ценностно-мотивационной оси в *Северо-Западном регионе*. Умеренное преимущество вектора “сохранение” над вектором “открытость изменениям” в *четырёх других регионах*, по-видимому, свидетельствует об удовлетворительном их соотношении: изменяй, не рискуя сохранением базовых условий существования. Преобладание в *пяти регионах* вектора “сохранение” над вектором “открытость изменениям” – тревожный сигнал о социокультурных тормозах успешного развития этих регионов. Однако отсюда еще не следует, что в целом сложившееся соотношение ценностных векторов “ответственно” за то, что Россия не сможет встать на путь инновационного развития. Требуются дополнительные аргументы, чтобы уяснить, так ли это на самом деле.

Прежде всего посмотрим, какое место занимает Россия по соотношению этих векторов среди европейских стран. Результаты Европейского социального исследования (2006 г.) показали, что по вектору “сохранение” Россия находится в середине 20 европейских стран: впереди находятся шесть–семь стран (Болгария, Испания, Польша, Словакия и др.), столько же – позади (Германия, Швейцария, Швеция и др.) и статистически не отличаются от России еще шесть–семь стран (Бельгия, Эстония и др.). Но по вектору “открытость изменениям” Россия расположилась на четвертом–шестом местах снизу списка европейских стран: по одной из составляющих данного вектора от России отстают Болгария, Польша, Португалия, по другой – Венгрия, Испания; по обеим составляющим Россия заметно отстает от Великобритании, Финляндии, Швейцарии, Швеции; в то же время она статистически не отличается от ряда других стран. В целом по оси “сохранение–открытость изменениям” “Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран” [Магун, Руднев, 2008, с. 44].

Уже одно это позволяет усомниться в том, что на структуру ценностей населения можно возложить основную “ответственность” за “инновационный простой” экономики России, отличающий ее от динамизма большинства других европейских стран. Сомнения подтверждаются при знакомстве с положением восьми российских регионов (субъектов РФ) на интересующей нас оси векторов (см. табл. 4)⁶.

В таблице 4 данные вектора “открытость изменениям” (И) представляют собой суммы баллов (по 5-балльной шкале), в которых население регионов выражает под-

⁶ Данные для таблиц 4 и 5 взяты из социокультурных портретов соответствующих регионов, представленных в коллективной монографии [Регионы... 2009].

**Положение восьми регионов России на оси ценностей
“сохранение–открытость изменениям” (2006 г.)**

Квадранты, ось “сохранение–открытость изменениям”		Российская Федерация	Тюменская область	Республика Карелия	Вологодская область	Пермский край	Ульяновская область	Курская область	Смоленская область	Чувашская Республика
Квадранты	И	14,98	15,16	15,71	14,45	14,35	15,39	14,59	14,91	12,42
	С	14,53	14,87	15,45	15,26	13,86	15,2	15,1	15,24	14,13
Ось “С–И”		0,95	1,03	1,03	1,02	1,02	1,01	0,97	0,97	0,88
Ранги			1–	–2	3–	–4	5	6	7	8

держку следующих четырех ценностей: свобода, независимость, инициативность, своеволие. А данные вектора “сохранение” (С) – соответствующая поддержка других четырех ценностей: традиция, порядок, жертвенность, властность. Частное от деления первой суммы на вторую есть коэффициент отношения вектора И к вектору С, то есть уже использовавшийся выше *K_{ис}*. Регионы ранжированы по возрастанию значений *K_{ис}*.

Как видим, значения *K_{ис}* для всех восьми регионов довольно близки между собой и находятся вблизи 1,0 (от 0,97 до 1,03). Следовательно, ориентация населения этих регионов на сохранение существующего положения примерно равна ориентации на его изменение. Это соотношение достаточно благоприятно как для воспроизводства существующего порядка, так и для эволюционных его изменений, формой которых, как правило, и служат инновации; следовательно, оно не может быть основным препятствием для перехода данных регионов на инновационный путь развития.

Поскольку значения *K_{ис}* этих регионов лишь немного выше среднего для России (0,95), то сделанный вывод можно распространить и на всю Россию. Дополнительным аргументом в пользу такого заключения служат самооценки респондентов изученных регионов об их участии в инновационных действиях (см. табл. 5). Регионы ранжированы по возрастанию доли участников инноваций.

Нетрудно видеть, что между рангами регионов, фиксированными в таблицах 4 и 5, нет полного соответствия. Но нет и резкого расхождения: первые два ранга в обеих таблицах имеют одни и те же регионы: Тюменская область и Республика Карелия; другие регионы различаются на один–два ранга. Это подтверждает высказанное в начале статьи положение: базовые ценности – фундаментальные нормы–рамки, которые определенно ориентируют поведение индивида, но не однозначно, а в некотором диапазоне, допуская вариации поведения. В целом наблюдается удовлетворительное соответствие между соотношением векторов “сохранение–открытость изменениям” и самооценками населения доли своей инновационной активности.

Но насколько данная доля соответствует общим нормам? Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам, полученным еще в 60-х гг. XX в. известным американским исследователем инноваций Э. Роджерсом. Он показал, что по отношению к инновациям персонал деловых организаций разделяется на пять групп, доля которых в численности персонала существенно различна: 2,5% составляют инноваторы – авторы, разработчики новых идей; 13% – ранние реципиенты, которые очень быстро воспринимают инновации; 34% – быстрые реципиенты, они воспринимают инновации раньше среднестатистического члена организации; еще 34% воспринимают инновации медленно, под давлением большинства; наконец, 16% – это традиционалисты, не согласные с любой инновацией. Если долю этих групп отобразить графически, то получим линию, близкую кривой Гаусса [Rogers, 1962].

Участие населения восьми регионов в инновациях за последние 5 лет, отношение окружающих (самооценки, в %; опросы 2006/2007 гг.)*

	Ранги	Участво- вал	Не участ- вовал	Отношение к участию в инноваци- ях (в % от числа участников)		
				Встретил поддержку	Встретил безразли- чие	Встретил сопротив- ление
Тюменская область	1–	28,0	61,0	59,0	24,0	15,0
Республика Карелия	–2	20,0	68,6	59,5	26,3	13,1
Пермский край	3–	17,7	75,7	57,7	26,9	15,4
Курская область	–4	14,3	78,5	51,5	31,7	10,2
Вологодская область	5	14,6	64,9	49,1	28,0	7,3
Смоленская область	6	12,9	67,3	7,0	6,5	2,3
Ульяновская область	7	11,3	78,6	61,3	20,2	14,5
Чувашская Республика	8	10,0	85,1	39,1	15,2	13,0

* Данные в первом и втором столбцах получены от всех опрошенных респондентов; сумма процентов по этим столбцам меньше 100, так как не приведены проценты ответов “не знаю” и “отказ от ответа”. Данные в третьем, четвертом и пятом столбцах означают проценты только от числа участников инноваций (первый столбец), совокупность которых принимается за 100%; и здесь по названной выше причине сумма процентов меньше 100.

Следовательно, успех инноваций определяют 15–16% инновационно ориентированных членов организаций, которые получают поддержку еще 34% быстрых реципиентов. Это означает, что ориентация на “открытость изменениям”, которой, как показано выше, придерживаются 37% россиян, в основном достаточна для инициирования и активного содействия инновационным процессам. А если эти процессы не реализуются, то дело не столько в ценностных ориентациях, сколько в иных факторах деятельности людей и организаций.

Мы подошли к **ключевому вопросу**: всегда ли соотношению ценностных векторов и доле участия населения в инновационных действиях соответствует доля инновационных товаров и услуг в общем их объеме, создаваемом в регионе?

Как видно из таблиц 6 и 7, это происходит далеко не всегда. Контрастные несоответствия наблюдаются в Тюменской области и в Республике Карелия: занимая первое и второе места по субъективным характеристикам инновационной деятельности, они оказываются на последних местах по ее материальным результатам. И наоборот: последние и средние субъективные места Чувашской Республики, Ульяновской области и Пермского края более чем компенсируются средней и высокой долей инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции. Удовлетворительное соответствие субъективных и материальных параметров инновационной деятельности наблюдается преимущественно в среднем диапазоне инновационных рейтингов регионов – в Вологодской, Курской и Смоленской областях.

Таким образом, ценностные ориентации населения России, включая их осевые векторы, неправомерно рассматривать как основополагающие факторы, препятствующие инновационной активности населения, занятого в производстве. Их воздействие несомненно, но как рамочное, а конкретное их проявление зависит от ряда других факторов. В России диапазон ценностных рамок соответствует цивилизованным нормам доли новаторов и их активных последователей среди занятого населения. Соотношение ценностных векторов по оси “сохранение–открытость изменениям” близко широкому кругу европейских стран. А низкая доля инновационных товаров и услуг противоречит этим ценностным предпосылкам и даже самооценкам населения своего уровня инновационной активности. Следовательно, решающими препятствиями перехода России на инновационный путь развития служат иные факторы.

Доля инновационных товаров (работ, услуг) восьми регионов в общем объеме отгруженных товаров (в %)

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	Места, 2006 г.
Российская Федерация	4,4	5,0	4,5	
Пермский край	3,4	8,0	20,8	1
Ульяновская обл.	5,4	7,3	11,8	2
Вологодская область	8,6	4,5	5,5	3
Чувашская Республика	3,3	5,8	3,5	4
Курская область	3,2	2,0	2,5	5
Смоленская область	6,5	3,2	1,1	6
Республика Карелия	14,9	0,4	0,5	7
Тюменская область	1,7	0,2	0,4	8

Источник [Регионы... 2007, табл. 21.17].

Ранги объективных и субъективных характеристик инновационной деятельности
(согласно рангам, приведенным в таблицах 4, 5, 6)

	Пермский край	Ульяновская область	Вологодская область	Чувашская Республика	Курская область	Смоленская область	Республика Карелия	Тюменская область
Доля инновационных товаров	1	2	3	4	5	6	7	8
Соотношение векторов изменение–сохранение	4	5	3	8	6	7	2	1
Доля участия населения в инновациях	3	7	5	8	4	6	2	1

Какие это факторы? Наши исследования показывают, что первостепенное значение имеют институциональные барьеры между экономическими интересами основных субъектов инновационных процессов (авторами инновационных идей, разработок; инвесторами в инновации; производителями инноваций), отсутствие согласуемости этих интересов, закреплённой юридическими нормами.

Там, где создается хотя бы минимальная их согласуемость, наблюдается значительно более высокая эффективность инноваций. Это видно на примере Приволжского федерального округа. Приведенные выше данные свидетельствуют, что там ценностный вектор “сохранение” существенно выше вектора “открытость изменениям”; в то же время это не препятствует инновационной деятельности населения, а по доле инновационных товаров и услуг Приволжский федеральный округ значительно опережает остальные регионы, особенно выделяется Пермский край.

Один из основных факторов такого успеха – реализация проекта “Инновационная сеть Поволжья”, созданного в 2002 г. Он функционирует на основе партнерства государственных органов (полпред Президента России в Приволжском федеральном округе, два федеральных министерства), Фонда содействия развитию малых форм пред-

приятый в научно-технической сфере, Совета ректоров и Координационного совета промышленников и предпринимателей округа. Тогда же был учрежден Межрегиональный фонд содействия инновациям (МФСИ), который имеет филиалы в большинстве регионов округа. Через них МФСИ формирует окружную базу инновационных проектов и банк заявок на инновационные разработки от предприятий. МФСИ входит в состав исполнителей инновационных программ, выполняемых совместно с Британским советом и Европейской комиссией по научно-техническому сотрудничеству [Стратегия... 2004, с. 344–346]. Этот пример демонстрирует эффективность сетевого подхода к формированию инновационных систем – как региональных, так и национальной.

Потребность российской экономики в сетевых инновационных институтах

Опыт изучения инновационных процессов в СССР и постсоветской России охватывает треть века (с 1976 г.). Я попытался подытожить его в книге “Теория и практика инноватики”. В ней сделаны два итоговых вывода. Первый: уже к середине 70-х гг. XX в. исчерпала себя административно-командная система управления научно-техническим прогрессом, обеспечившая прежние успехи СССР, а предлагавшиеся зародыши иных, инициативно-сетевых структур были заглушены. Второй вывод: в настоящее время эффективный переход России к инновационному развитию требует не возврата к административно-организационным монстрам, а создания смешанно-сетевой национальной инновационной системы (НИС). Базовую предпосылку НИС такого типа составляет развитие института венчурного предпринимательства, включая государственно-частное партнерство [Лапин, 2008].

Венчурное предпринимательство – новый социально-экономический институт, который во второй половине XX в. получил очень быстрое развитие в США и странах Западной Европы, а также в Японии. Вначале основными его организационными структурами были малые фирмы, бравшие на себя риски разработки инноваций: самостоятельно или при поддержке крупных корпораций. На рубеже 1950–1960-х гг. американские предприниматели (Ю. Клейнер, Ф. Кофилд, Т. Перкинс и др.) предложили принципы венчурного финансирования. Средства, используемые в таком финансировании, представляют собой венчурный капитал: он направляется в виде прямых инвестиций в венчурные фонды и через них – в малые фирмы с целью содействия реализации инновационных проектов, предлагаемых этими фирмами. Венчурный фонд представляет собой партнерство с ограниченной ответственностью, которое аккумулирует средства партнеров-инвесторов на длительный срок (обычно до 10 лет) с целью их возврата по истечении этого срока и получения значительных дивидендов, но без гарантии этих дивидендов и даже возврата инвестиций.

Наряду с малой фирмой, венчурный фонд становится вторым локомотивом, который вытягивает инновационные процессы на ранних, наиболее рискованных и трудных участках пути, а затем форсирует движение к максимальному успеху. Это не только финансовый, но и организационно-управленческий локомотив, включающий высококвалифицированных менеджеров, которые специализируются именно на реализации инноваций. Источник энергии этих менеджеров, равно как учредителей и инвесторов-партнеров фонда – не одни благие намерения, а потенциальные доходы, на 30–100% превышающие норму дохода обычных инвестиций и трудовых усилий. Соответственно, стратегической для фонда является задача успешного выхода из инновации, то есть ликвидности вложенного капитала и получения сверхприбыли. В итоге сроки инновационных процессов сжимаются с восьми–десяти до двух–трех и менее лет.

В 1980–1990-е гг. в США и Западной Европе число венчурных фондов и их капиталов росло по экспоненте. Европейская ассоциация венчурного капитала (EVCA), которую в 1983 г. учредили 43 члена, спустя два десятилетия объединяла свыше 500 участников венчурного бизнеса из более 30 стран. Между ними образовались разветвленные сети взаимодействия. Развитию венчурного предпринимательства стали

активно помогать правительства этих стран: они ввели налоговые льготы и сняли прежние запреты на использование в венчурных фондах бюджетных средств, а также средств пенсионных фондов, страховых компаний, содействуют паритетному партнерству частных и государственных организаций, развитию инновационных сетей между предпринимателями и учеными, работающими в университетах и НИИ. Такие сети и стали в этих странах основой национальных инновационных систем – со своими особенностями в каждой стране.

Российской экономике также необходимо быстрое развитие института венчурного предпринимательства, включающего сеть венчурных фондов и поддерживаемого государством, а не подменяемого им. Базовые правила этого института должны быть закреплены в Законе РФ “О венчурном предпринимательстве”, который бы предусматривал: коммерческий характер венчурных фондов; возможность участия в нем владельцев “длинных денег” (инвестиционных банков, пенсионных фондов, страховых компаний) и освобождение их от двойного налогообложения; партнерское распределение доходов от использования интеллектуальной собственности (включая авторов, научные организации, государство, финансировавшее исследование); другие базовые правила.

На этой почве не замедлит вырасти современная национальная инновационная система как узаконенная сеть мотивов, правил, стратегий деятельности, паритетных взаимодействий государственных, частных и совместных организаций, конкурирующих за создание и широкое распространение технологических и продуктных инноваций. Вырастая не из административно-бюрократических решений, а на конкурентной основе, она будет учитывать реальные особенности России – ее культуры, социально-экономических и политических структур.

Одна из важнейших особенностей России – крайне высокая разнородность ее экономического и обусловленного им социального пространства. Это разнородность между регионами (субъектами РФ) и внутри них – между местными сообществами (муниципальными образованиями), а также и внутри этих образований. Преодолению этих крайностей будет способствовать развитие инновационных сетей [Валентей, 2009].

Социально-экономическая разнородность регионов, характерный для их большинства инновационный застой дополняются и нормативно закрепляются асимметрией ресурсов, масштабов и форм участия, с одной стороны, федерального центра, и с другой – субъектов Федерации в решении вопросов общероссийского и регионального значения. Для преодоления такой асимметрии требуется переориентация государственной региональной политики и немалая политическая воля, чтобы сделать присутствие Центра в регионах действительно федеративным, а участие субъектов Федерации в подготовке и принятии федеральных решений – полноценным [Лексин, 2008].

Размыкание правовых и иных институциональных ловушек, создание института венчурного предпринимательства и смешанно-сетевой НИС высвободит инновационный потенциал, заключенный в культурном капитале миллионов россиян, в особенности – в их ценностных ориентациях. Если не будут предприняты энергичные меры в этом направлении, то нынешний финансово-экономический кризис быстро приведет к свертыванию научных исследований и разработок новой техники, консервации инновационных проектов и программ, резкому снижению инновационной активности квалифицированных кадров, в том числе на стратегически важных направлениях научно-технического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Валентей С.Д. Задачи новой пространственной стратегии инновационного развития России // Роль субъектов Федерации в формировании инновационной модели развития экономики России. М., 2009.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Жизнь вторая. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М., 2006.

- Лапин Н.И.* Общая социология. М., 2006; 2-е доп. изд. М., 2009.
- Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики. М., 2008.
- Лапин Н.И.* Тревожная стабилизация // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6.
- Лексин В.Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М., 2008.
- Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестник общественного мнения.* 2008. № 1.
- Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009 (в печати).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007.
- Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. М., 2006.
- Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации. М., 2004.
- Rogers E.M.* Diffusions of Innovations. New York, 1962.
- Schwarz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M.* Expanding the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2001. Vol. 32.

© Н. Лапин, 2009